

СОБРАНИЕ ПИСЕМ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

**с приложением «Уложения Сокольников Пути» и проч.,
издал Петр Бартенев. Москва. 1856**

С самого начала, скажем прямо, что статья наша написана не о книге, изданной г. Бартеневым, а только по поводу ее¹. Книга эта вовсе не так важна, чтобы нужно было много говорить о ней. Письма, собранные г. Бартеневым, все уже были напечатаны, — нового ничего не нашел или не хотел искать он, и едва ли была особенная надобность перепечатывать материалы, уже напечатанные в изданиях, доступных всем исследователям, и, по правде говоря, не представляющиеся слишком важными для историка. Г. Бартенев думает иначе, — он считает издания, в которых были напечатаны письма Алексея Михайловича, редкими, но с этим трудно согласиться: что же за редкость «Акты» Археографической экспедиции и Археографической комиссии² (в которых напечатаны письма к Матюшкину), «Полное собрание законов Российской империи» (в котором напечатано «Уложение Сокольников Пути»), «Акты Археографической экспедиции» и «Чтения в Обществе истории» (в которых напечатаны письма к Никону), «Акты Археографической экспедиции», «Москвитянин» 1851 года (иное дело, если б то был «Москвитянин» 1856 года, составляющий, действительно, чрезвычайную редкость³) и «Описание рукописей Румянцевского музея» (в которых напечатаны остальные письма) — все эти книги трудно считать редкими. Трудно также согласиться, чтобы письма, собранные теперь г. Бартеневым, имели слишком большую важность для истории, — письма к Никону, действительно, интересны по содержанию, хотя не представляют особенно важных новых фактов, — о большей части других писем нельзя сказать и того, чтоб они были даже особенно любопытны. Ни одного важного факта они не содержат, ни одной новой черты в характере царя Алексея Михайловича не открывают. Все, что мы читаем в них, мы знали б и без них — именно, что Алексей

Михайлович имел доброе сердце, любил соколиную охоту и уважал Никона.

Но если бы книга г. Бартенева и была так важна, чтобы заслуживать подробного разбора, теперь было б уже излишним много говорить о ней, после того, как г. Забелин (в № 1 «Отечественных записок» нынешнего года) дал очень основательную оценку ее и показал как неполноту плана, по которому составлен этот сборник, так и недостаток критики и частую ошибочность понятий в примечаниях, составленных к изданным в ней письмам и «Уложению Сокольников Пути».

Мы не хотели писать разбора книги, а если б и думали сделать это, то уже опоздали б с своим трудом. Но мы хотели воспользоваться появлением книги г. Бартенева для того, чтобы сказать несколько слов о том времени, к которому относятся собранные в ней письма. В примечаниях, которыми сопровождаются эти письма, сильно отразился так называемый славянофильский взгляд, видящий до-петровскую эпоху в свете, гораздо более выгодном, нежели в каком представляется она всем образованным русским людям за исключением славянофилов, и вызывающий жестокие опровержения со стороны всех людей, знакомых с историею, — за исключением опять только славянофилов. Мы хотели сказать несколько слов о русском быте в XVII веке.

Но при этом мы вовсе не имели в виду оспаривать мнения славянофилов о древней Руси — мнения эти находят себе так много противников (опирающихся на те книги, которые г. Барте-нев считает редкими, — на издания Археографической комиссии и «Полное собрание законов») и так мало защитников, что, по нашему мнению, вовсе нет надобности сильно огорчаться ошибками, в которые впадают славянофилы при этом случае; ошибки эти безвредны, потому что не находят себе ни сочувствия в обществе, ни таких последователей, потеря которых для беспристрастной разработки русской истории могла бы считаться прискорбною утратою для науки.

Нет, мы вовсе не считаем нужным к тысяче возражений и опровержений, вызванных славянофильскими особенностями понятий о русской истории, присоединять еще новое, тысяча первое. Мы хотим не для специалистов, а для большинства публики, сказать несколько слов об одной чрезвычайно важной отрасли сведений относительно старого русского быта, — об известиях иностранных писателей. Ученые пользуются для своих исследований этими источниками с полным сознанием их драгоценности и уже, конечно, не нуждаются для этого в чьих-либо наставлениях и указаниях. Но массе публики материалы, представляемые сочинениями иностранцев, писавших о России, к сожалению, не так доступны, как бы того надлежало желать,—

мы хотели бы обратить внимание на этот чрезвычайно чувствительный недостаток.

Вместо того чтобы перепечатывать материалы, которые давно уже напечатаны в изданиях, доступных каждому, не лучше ли было бы позаботиться об издании на русском языке важнейших сочинений, написанных о старой Руси иноземцами? По своей драгоценности для изучения нашего старинного быта они важны не менее, нежели наши отечественные источники, быть может, даже важнее их. Герберштейн и Олеарий, конечно, не уступают обилием и драгоценностью сообщаемых ими фактов самому Кошихину, и далеко превосходят его наблюдательностью и проницательностью.

Говоря это, мы повторяем то, что думает каждый исследователь русской старины. Но из числа читателей, не занимавшихся специально этим делом, вероятно, найдутся некоторые, готовые уже возразить: «Но иноземные путешественники большею частью смотрели на нас глазами, предубежденными не в нашу пользу, и слишком мало знали наш быт».

Такое предубеждение против достоверности известий, сообщаемых иноземными писателями о старой Руси, совершенно несправедливо. В XVI, в XVII веке не было у Западной Европы и не могло быть никаких причин чувствовать недоброжелательство к русскому царству или русскому народу. У нас не было никаких политических столкновений с Францией, Австрией или Англией; они и не предчувствовали, что наше могущество или расширение наших пределов на юг и запад может когда-нибудь возбудить их зависть. [Ничего подобного чувствам, которые обнаружили в последнюю войну, не могло быть у западных европейцев того времени.] Напротив, торговые выгоды внушали англичанам естественное благорасположение к стране, сношения с которою доставляли им значительную пользу. Австрия дорожила нами как своими естественными союзниками против турок. Вся Германия, посылая на службу к нам столько тысяч своих сыновей, не могла не чувствовать расположения к государству, кормившему многочисленную ее колонию; все остальные народы Западной Европы, имея более или менее многочисленных соотечественников в этой же самой московской колонии, питали к нам подобное же чувство. Вражда к нам могла в XVII веке существовать только у ближайших наших соседей — шведов и поляков, — но какое влияние имело мнение этих народов на образ мыслей Западной Европы? Ровно никакого.

С Петра Великого положение дел изменяется. Россия принимает участие в европейской политике и, смотря по ходу дипломатических отношений, имеет каждое из государств Западной Европы то в числе друзей, то в числе недругов, — но до Петра Великого, повторяем, не имея никаких столкновений с европей-

скими политическими делами, не возбуждая никаких опасений, она не могла ожидать и действительно не находила в народах и правительствах Западной Европы никаких других чувств, кроме готовности к благорасположению, которое постоянно и обнаруживалось ими при всех случаях. Западные послы всегда являлись к нам с какими-нибудь дружественными предложениями, если не просто с деликатными, предупредительными поздравлениями и подарками; наши послы всегда бывали принимаемы в западных государствах дружелюбно и ласково, как дорогие гости, которые все правительства радушно готовы были баловать. При таких отношениях никак нельзя предполагать возможность систематической вражды к нам в западных путешественниках XVI и XVII столетий.

«Но они были предубеждены, что мы народ грубый, невежественный», — это уж совсем иное дело. Мнение о степени народной образованности вовсе не то, что любовь или нелюбовь к народу. Мы не будем говорить о том, справедливо ли было общее мнение Западной Европы о низкой степени нашего образования, и заметим только, что, если б даже было оно несправедливо, и те понятия о нашем невежестве, с которыми иноземец XVII века въезжал в Россию, были совершенно неосновательны, это отразилось бы в его путевых заметках самым выгодным для нас образом. Чем меньше человек ожидает найти, тем выше оценивает он найденное: у кого велики ожидания, тот строг; чем менее ожиданий, тем более бывает снисходительности. Никто не восхищается, находя в парижском Институте людей, хорошо знающих астрономию; но никто не может без восторга говорить о курском мещанине, составлявшем таблицы затмений, потому что никто не ожидал найти между курскими горожанами астрономов. Так было и с иноземными путешественниками в России XVII века, — все хорошее, что они могли заметить, они выставляют на вид сильным образом, именно потому, что приготовились к самым умеренным требованиям, которым легко удовлетворить, которые легко превзойти. Они хвалят природную красоту лица русских, удивляются их благотворительности, восхищаются их здравым смыслом и проникательностью, замечают в них сильное расположение к просвещению, удивляются образованности Матвеева, благоговейт перед гениальностью и благими планами Голицына⁴, с умилением превозносят кротость царя Алексея Михайловича. Все, что могут заметить они хорошего в России, возбуждает в них самый живой интерес и самое дружеское участие.

«Но если они говорили и беспристрастно, или, скорее, даже с готовностью несколько выше меры хвалить хорошее в нас, то с достаточным ли знанием дела они говорили? Иные утверждают, будто они не понимали и не знали нас». Само собою разумеется, что из нескольких сот иноземцев, писавших о Рос-

сии в XVI и XVII веках, многие были люди недостаточно наблюдательные или проницательные, многие не имели достаточно времени, чтобы хорошо узнать описываемую страну, но не о них, конечно, идет речь, на них никто и не просит обращать внимание. Но такие люди, как Герберштейн, Флетчер, Олеарий, Мейерберг и многие другие, были люди замечательного ума и проницательности и имели довольно времени, чтобы хорошо узнать нас.

Но лучше всего может рассеять всякие предубеждения против достоверности сведений, сообщаемых важнейшими из иностранных писателей о России, знакомство с этими известиями, еще слишком мало известными у нас людям, не занимающимся специально разработкою русской истории и не имеющим охоты и времени отыскивать старинные фолианты и утомлять себя чтением поддельной латыни и устарелого немецкого или английского слога. Все наши домашние источники едва ли могут доставить нам столько верных и важных замечаний о старинном русском быте, как рассказы иностранных писателей.

Чтобы доказать справедливость этого мнения людям, не имевшим случая читать в подлиннике Герберштейна, Олеария, Нёвилля, Вебера, Корба и проч., мы сообщим здесь краткий очерк частного быта русских в XVI—XVII веках, составленный исключительно по иностранным писателям и заимствуемый нами из компиляции знаменитого полигистора⁵ Мейнерса, — «*Vergleichung des ältern und neuern Russlandes etc. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber, von C. Meiners. Leipzig. 1798*»⁶. Само собою разумеется, что книга о России, составленная человеком, никогда не бывавшим в России, не может не заключать в себе некоторых мелких ошибок и особенно опечаток в собственных именах, но по всей справедливости надобно сказать, что, несмотря на все свои опечатки и мелочные недоразумения, Мейнерс лучше познакомит своего читателя с Россиею, нежели целые сотни русских книг, в которых собственные имена напечатаны без ошибок.

Впрочем, и то сказать, что сравнивать книгу Мейнерса в нашей литературе до сих пор ровно не с чем, — ведь мы до сих пор не имеем сочинения, которое изображало бы нам быт старой Руси в полной картине, — если не считать «Опыт повествования о древностях русских» Успенского, сочинения, которое, впрочем, никем и не принимается в счет, когда дело идет о русской истории.

Предварительно заметим, что Мейнерс вообще очень сильно расположен в пользу России, и компиляцию свою составил он главным образом с тою целью, чтобы защитить Россию искуснее и лучше, нежели как то делали иные неловкие панегиристы ее из западных писателей, возбуждавшие только недоверчивость и вызывавшие в рассудительных читателях невыгодное мнение о стране, которую хвалили с очевидным нарушением и правды

и правдоподобия. Мейнерс хочет своею компиляциею защитить Россию и от ее хулителей и от тех панегиристов, похвала которых опаснее самой брани.

Мы не будем касаться тех глав его книги, в которых излагаются так называемые государственные древности, — это завлекло бы нас слишком далеко, а ограничимся только извлечением из глав, касающихся частного быта, — и тут, впрочем, оставляя в стороне все описания обрядов, — свадеб и т. п. и обращая внимание исключительно на черты нравов.

Читатели, сравнивая факты, сообщенные иностранцами о старине, с тем, что известно каждому из нас, знакомому с бытом сословий, не принявших европейского образа жизни, могут судить, верно ли изображали наш старинный быт путешественники, подобные Олеарию и другим названным нами выше. Тех, которые вздумали бы сомневаться в верности того или другого из делаемых ими замечаний, мы просим подумать о том, не существуют ли до сих пор остатки указанного ими факта народных привычек и понятий в тех классах, которые справедливо считаются наиболее сохранившими старину в своих нравах и идеях.

По телосложению и чертам лица русские являлись путешественникам европейцами; врожденная, хотя чрезвычайно прижатая обстоятельствами, склонность к любознательности также убеждала путешественников, что в Московии живет народ, близко родственный по складу ума другим европейцам. Но привычки и нравы, даже понятия русских казались им напоминающими Азию. Теперь мы знаем, что это противоречие форм жизни с характером русской природы происходило от обстоятельств исторического развития, что почти все те явления, которым изумлялись европейцы, были болезненными наростами в народном организме, образовавшимися под влияниями чуждыми и враждебными славянскому характеру, [преимущественно от внесения византийской формалистики в наши юридические понятия и] от угнетающего соседства с кочевыми дикарями, — влияние этого тяжелого соседства, по мнению проницательнейших между нашими историками, не должно ограничивать одним фактом порабощения Руси монголами, — уже раньше, вследствие постоянных набегов от половцев и их предместников, в народной жизни получили силу такие явления, которые были чужды ей и от которых остался чист северный край русской земли, отдаленный от кочевых грабителей. Так, например, новгородцы были люди, что называется, работающие, промышленные и остались совершенно чужды предразсудку, что праздность есть необходимая принадлежность знатности. То же надобно сказать и о многих других чертах народной жизни. Азиатского и византийского в нее вошло чрезвычайно много, так что народный дух совершенно изнемогал под игом чуждых влияний.

Непосредственным следствием нашего сближения с Европою обыкновенно представляют вторжение чуждых элементов в нашу жизнь, — это справедливо; но очень часто забывают прибавлять, что это вторжение изгоняло другие, еще более чуждые нашей народной организации влияния. Подчинением европейской жизни мы освобождались от гораздо более тягостного подчинения иным, не западно-европейским и не славянским народностям. Наша народная литература была придавлена иноземными влияниями гораздо раньше сближения нашего с Западною Европою; так было и во всех других областях жизни. Верность старине в начале XVIII века была просто верностью болезненным привычкам, навеянным на нас предыдущими влияниями. Сближение с Европою не было отречением от самобытности (уже давно не существовавшей), а только переходом из одного стеснительного и бесплодного подчинения к другому, плодотворному и более легкому.

Но пора нам от всех этих замечаний возвратиться к Мейнерсу и его путешественникам. Привычки и нравы наших предков казались им — и справедливо казались — чисто азиатскими. Начнем с наружности. Красивая славянская организация, миловидное славянское лицо искажались, сообразно восточным понятиям о красоте, так что русский мужчина и русская женщина, могшие следовать требованиям тогдашнего хорошего тона, придавали себе совершенно азиатскую наружность и совершенно монгольское безобразие.

Подобно народам татарского и монгольского племен, русские считали тучность одним из главных условий красоты. Когда бывал торжественный прием иноземных послов, во дворец приглашались торговцы, отличавшиеся особенною полнотою тела, чтобы своим присутствием усилить выгодное впечатление, производимое блеском двора (Петрей)*. Правдиво ли это замечание? Конечно; кто из нас не слышал от людей, не испорченных западом, что красота мужчины в дородстве; это понятие до сих пор живо в простом народе; оно породило многие выражения народного языка, например, «раздобреть» — значит растолстеть. Коренное значение слова «дородство» — знатность; итак признак знатности — дородство. Чтобы приобрести это завидное качество, наши простодушные предки старались побольше спать после обеда, и в том же соображении подпоясывались очень низко и слабо, чтобы пояс не стеснял живота и не мешал пищеварению (Петрей). Простолудины носят пояс действительно очень низко и слабо и объясняют этот способ ношения пояса тем, чтобы «не помять живота» или «кишок». Что послеобеденный сон содействует тому же результату, известно у нас каждому, обращавшемуся с людьми, любящими этот способ препровождения вре-

---

* Цитат мы не приводим, — они могут быть найдены у Мейнерса.

мени. Итак, замечание иноземцев о главном условии мужской красоты по старым русским понятиям подтверждается; для женщин красота состояла в том же качестве. Иметь тонкую талию женщина считала таким же пороком, как и иметь маленькие ножки (Нёвилль). Редко случается слышать суждения простого народа о маленьких ножках — он очень мало обращает внимания на этот предмет, но когда заговорит о нем, то действительно требует дебелости и прочности. Что же касается тонкости талии, то, конечно, всякому известно, что в быту купцов и зажиточных мещан девушка невеста считается тем красивее, чем она толще; что на «поджарую» или «сухопарую» жених с «неиспорченным» вкусом не польстится. Для достижения этого совершенства женщины не щадили никаких жертв, — лежали на кровати целый день, старались, если можно, и спать целый день и даже пили водку, от которой действительно тучнели (Нёвилль), — все это соблюдается до сих пор; известно, что еще полезнее простого пенника для отучнения считается настойка из сарсапарили⁷, которую многие женщины и пьют целыми стаканами ежедневно, без всякой нужды, кроме желания быть тучными.

Известно также, что пристрастие к беспрестанному наливанню себя чаем у купчих основывается на том же расчете, чтобы разбухнуть от этого напитка, помогающего добрению, когда пьют его в огромном количестве и не крепкий, а особенно с прибавлением рому. Таким образом и заморские обычаи обращены на служение эстетическому требованию старины. Ганве передает, что часто слышал от русских женщин: «дал бы бог быть дородной, а за красотой дело не станет». Рексоллю говорили, что если в женщине меньше пяти пудов веса, то и красавицею нельзя ее назвать. Он прибавляет, что эти пятипудовые красавицы имели тело вялое и дряблое, — это вещь известная каждому, кто видел красавиц, образуемых сарсапарилью, чаем и лежанием на пуховиках. Не говорим о том, что иметь черные зубы считалось принадлежностью хорошего тона, — действительно, от белил, употребляемых нашими неиспорченными западом модницами, необходимо чернеют зубы — стало быть, иметь белые зубы может только женщина, не заботящаяся о своей красоте, не соблюдающая условий хорошего тона; а женщины хорошего тона румянились и белились без всякой умеренности, точно так же беспощадно сурмили брови и ресницы, — даже расписывали на лице жилки синей краскою, — все это и теперь можно видеть. Вебер (современник Петра Великого) говорит, что в его время было еще в свежей памяти, как русские женщины расписывали себе лицо разными изображениями деревьев, зверков и т. п. Иноземцы находили, что русские женщины до безобразия расточительны на притиранья. Вообще путешественники с большими похвалами отзываются о природной красоте русских женщин, но говорят, что они безобразят себя искусственною тучностью и

беспощадным раскрашиванием лица. Пристрастие к очень частому употреблению бань было у наших старинных модниц совершенно восточным способом препровождения времени; они, как турецкие одалиски, очень скоро старились от неумеренности в этом развлечении.

Это пристрастие к баням не мешало общему восточному пороку — неопрятности, которая удивляла и смущала иноземцев. Мы ничего не будем говорить об этом предмете, слишком заметном каждому. Заметим только, что поразительным явлением для путешественников были неизвестные в Европе насекомые — тараканы, тогда, как и теперь, покрывавшие потолки и стены, наполнявшие поставцы и обеденные столы. Путешественники рассказывают о них с ужасом и говорят, что ночью они страшно кусаются, но русские изобрели средство приводить себя в безопасность от этих укушений: они клали на ночь кусочки хлеба к тем щелям, где особенно многочисленны стада тараканов, и этою жертвою искупали свои бока. Таннер, который первый из путешественников заметил этих врагов, так надеется заинтересовать Европу необычайностью своего открытия, что, не довольствуясь очень подробным описанием интересного насекомого, срисовал его в назидание немцам.

Неопрятность доходила до небрежности, в иных случаях преступной. Тот же Таннер рассказывает, что видел, как мать всовывает в рот младенцу рожок с коровьим соском, совершенно уже почерневшим от того, что давным-давно началось его разложение. Когда он говорил матери, что давать младенцу такой сосок вредно, мать спокойно отвечала — «такой у нас обычай», — что он сохранился доселе, знают все, имевшие случай смотреть на кормление рожком в сословиях, не знающих заморского слова «гигиена».

Что касается до нравственных качеств наших предков, путешественникам казались русские самыми хитрыми людьми в Европе. Рейтенфельс говорит: «русские хитрее всех европейцев, а москвичи хитрее всех русских», — отчасти объясняется строгость этого замечания тем, что путешественники имели дело преимущественно с дьяками и подьячими, у которых это качество было достоянием ремесла, и с торговцами, которые также заменяли плутовством недостаток правильности, быстроты и обширности в своих торговых оборотах. Если мы будем иметь в виду это обстоятельство, то, конечно, нам не будет повода сомневаться в словах Рейтенфельса, — кто не имел случая поверить их на деле, вероятно, знает Гоголя, г. Островского и г. Щедрина; не надобно только упускать из виду, читая их произведения, что описываемые ими нравы и обычаи — наследие глубокой старины, в чем могут уверить нас иностранные путешественники. Те путешественники, которые имели случай познакомиться с русскими людьми, говорят, что это народ даровитый и очень легко про-

буждающийся к любознательности; и что если они оставались в невежестве, то единственно вследствие неблагоприятных обстоятельств. Флетчер прибавляет, что поддержка невежества в русском народе была делом систематического плана: этим средством бояре, подьячие и пр. хотели предотвратить всякую возможность мысли о нововведениях, которые были бы несогласны с их выгодами, — объяснение, подтверждаемое всею историею XVII века. Система эта имела две стороны: так как необходимо было для различных государственных потребностей иметь людей с техническими знаниями — артиллеристов, инженеров и проч., — и так как с тем вместе не хотели допускать русских к образованию, то и держались такого плана: всех нужных для государства техников брать из-за границы, не допуская того, чтобы сами русские учились чему-нибудь. До Петра Великого прием иноземцев в русскую службу был средством к предотвращению развития образованности между самими русскими. Подобное объяснение находим и у Мейерберга. Борис Годунов и Никон, задумав несколько отступить от этой системы, возбудили против себя общее неудовольствие. Бояре, верные хранители системы, находили для себя личную выгоду неуклонно поддерживать ее. Иноземцы не могли быть их соперниками, а если бы явились образованные люди между русскими, то каждый боярин мог опасаться, что они перебьют у него дорогу к почестям.

Корб (современник Петра Великого) приводит еще другую причину того, что до Петра Великого не позволяли русским посещать Европу: бояре не хотели давать русским возможности узнать, что в Западной Европе больше благосостояния, нежели в России. Нынешний царь (Петр Великий), напротив, желает этого, прибавляет Корб, чтоб они могли видеть, чего им недостает, и старались исправить свои недостатки.

Иноземцы, служившие в России до Петра, были полезны государству, удовлетворяя его потребностям, но на развитие самого народа не оказывали почти никакого влияния, если исключить некоторые ереси, происхождение которых приписывается влиянию лютеран, социнриан⁸, или квакеров⁹, но которые находили себе очень мало последователей, не имея ничего общего с русским расколом. План, объясняемый нам наблюдательными иноземцами, основан был на том верном расчете, что сами иноземцы, призываемые в Россию, будут находить свою выгоду в его соблюдении: распространение знаний в русском народе прекратило бы необходимость в иноземцах, и потому они действительно не имели ни малейшей охоты сообщать русским свои знания или возбуждать в русских любознательность: иноземцы, находившиеся в русской службе, хранили свою образованность, как тайну своей касты, говорят о них путешественники.

Из всех качеств или привычек русского народа путешественники удивлялись более всего терпеливости русских людей в перенесении лишений всякого рода. Правда, смертность между взрослыми, и особенно между детьми, была чрезвычайно велика, — но зато те, которые оставались в живых, не боялись, — повидимому, не чувствовали — ни холода, ни внезапных переходов из зноя в мороз (не забудем знаменитого обычая перевернуться в снежном сугробе или окунуться в проруби, соскочив с банного полка — этого обычая, по мнению иных, даже наших современников, дающего нам право с гордостью смотреть на хилое здоровье всякого иностранца, даже англичанина или шведа, мускулы которого сильнее наших), не боялись и, повидимому, не чувствовали голода, могли, не морщась, кормиться самой несытной и тяжелой пищею и т. д. Чувства и желудок их были уже привычны ко всему этому. Рассказы иностранцев совершенно противоречат поверью, которое полагает, что в старину Русь жила вроде того, как мечтали иногда жить современные нам простолюдины на реке Дарье, у которой берега кисельные, а вода сытовая: не говоря уже о частых голодных годах, и в обыкновенные годы нищета была страшная. «Не думаю, — говорит один путешественник, — чтобы на целом земном шаре нашелся народ столь бедный, как жители России. Множество несчастных постоянно находятся там в опасности умереть с голоду и, действительно, голодная смерть в России — ежедневный случай. Летом многие питаются травой и кореньями; древесною корою иногда питаются круглый год». (Дженкинсон, в половине XVI века.)

«Народ терпит такие притеснения и подвергается таким поборам, — говорит другой путешественник, посетивший Россию лет через пятьдесят, — что в каждой провинции есть очень много совершенно запустевших местечек и деревень. Угнетение и поборы отнимают у мещан и поселян всякую охоту заниматься своею работою с усердием. И если у какого-нибудь русского простолюдина есть что-нибудь ценное, он самым старательным образом прячет эту вещь в землю или отдает в монастырь, — как это бывает в иных землях тогда, когда ждут неприятельского нашествия. Я сам часто видел, как они, когда показывали нам лучшую свою шубу или какую-нибудь другую ценную вещь, постоянно озирались, особенно посматривали на дверь, как будто каждую минуту боялись, что вот взойдет кто-нибудь и отнимет у них эту вещь. Пьянство и леность развиваются в русских главным образом от необеспеченности имущества. Они только о том и думают, как бы из рук да прямо в рот, — иначе, все равно, отнимут же у них, полагают они. Потому-то и все русские продукты — сало, кожи, воск, мед вывозятся за границу гораздо в меньших количествах, нежели вывозились бы при обеспеченности имущества» (Флетчер).

Страшные лишения, которым подвергался русский в старину, притупляли его чувства в перенесении физической боли, — но точно так же притупляли в нем и жалость к страданиям других, — при всей врожденной доброте сердца, вообще русские были в старину народ безжалостный; помочь ближнему и заставить его страдать было для них одинаково легко; первое было внушением врожденного качества; второе, гораздо сильнее и чаще выступавшее наружу, было следствием ожесточения от скорби и лишений. [Оба ряда этих противоречащих явлений могут быть наблюдаемы в народе до сих пор всяким, кому есть охота наблюдать народ.]

Дурно вообще ели русские и часто терпели нужду — по известному закону психологии, недостаток вызывает стремление к излишеству, и характером обычного хода жизни, подмеченного Дженкинсоном и Флетчером, надобно объяснять развитие страсти к многоядению, которому русский в старину предавался всегда, если только мог.

Дело известное, что наши предки любили много покушать. Герберштейн говорит, что многие из людей небогатых, когда бывали приглашаемы к обеду какого-нибудь боярина, по два и по три дня перед этим ничего не ели, чтобы плотнее поесть вкусных блюд. Мейерберг прибавляет, что даже при торжественных обедах во дворце, когда во всем соблюдался такой строгий этикет, бояре ели чрезвычайно много, до обжорства [так что наедались до тошноты и рвоты].

Простой народ по праздникам предавался тем безмернейшему разгулу, чем более терпел лишений в простые дни. Очень обыкновенным случаем бывало, что, пропив все, даже одежду, человек выходил из кабака в одной рубашке [или даже и без рубашки] и падал в грязь (Олеарий).

«Видали мы, — продолжает Олеарий, — и такого рода случаи. Пропивши все, мужчина лежит без чувств, подходит женщина, садится на него, скидает с себя одну часть одежды за другою, отдавая за стакан вина, и пьет, пьет до тех пор, что не остается ни платья на ней, ни силы поднести стакан к губам, ни смысла, валится подле мужчины и начинает подле него храпеть»].

Особенно предавался народ пьянству на маслянице и на Светлой неделе, — на маслянице множество несчастных пьяниц находили на улицах замерзшими, множество других, упавших на улице, бывало растерзано собаками, других убивали мошенники. «Прежде бывало на маслянице буйства больше, нежели теперь, — говорит патер Авриль (путешественник конца XVII века), — а между тем, меня уверяли, что и ныне в одну первую ночь масляницы найдено по московским улицам более 40 человек убитых, — но что простой народ недоволен незначительностью этого числа: они полагают, что чем больше окажется людей,

убитых в эту ночь, тем урожайнее будет год». Нёвилль уверяет, что число пьяных, замерзающих на улицах в Москве на маслянице, бывает от двух до трех сот, — он сам видел, что каждое утро провозят на одних розвальнях десять или двенадцать трупов, из которых иные изгрызаны собаками, — «это зрелище довольно возмутительное», по его мнению.

Так как эта черта старины [благодаря вмешательству полиции] исчезла [(не оттого ли и неурожай ныне стали часты, что не бывает в одном городе по 40 человек убитых в одну ночь масляницы?)] — то мы подкрепим неправдоподобные слова очевидцев иностранцев свидетельством Кошихина, — он говорит, правда, не о маслянице, но тем приятнее будут здесь стариннолюбцу его слова: они показывают умилительную неизменность принципа, пользующегося всяким случаем для того, чтобы проявиться во всем своем трогательном постоянстве:

«Когда случится царю от сего света переселиться во оный покой... горе тогда людям, будучим при том погребении, потому что погребение бывает в ночи, а народу бывает многое множество; а московских людей натура не богобоязливая, с мужеска полу и женска по улицам грабят платье и убивают до смерти; и сыщется того дни, как бывает царю погребение, мертвых людей убитых и зарезанных болши ста человек».

Грабежи и разбои были повсеместны. Даже в Москве, по словам Олеария, не проходило ночи без того, чтобы не было разграблено несколько домов и не было найдено поутру на улице несколько мертвых тел. Грабители были так смелы, что среди дня нападали на улице на человека, при котором думали найти деньги, чтобы убить и ограбить его. Когда ночью раздавались на улице вопли убиваемого, никто из живших в соседних домах не смел выходить за двери, чтобы помочь ему — остатки этого обычая очень сильны до сих пор, как то может всякий узнать по опыту, если поживет в провинциальном городе. Даже ночные сторожа, находившиеся при богатых домах, не выходили на крик, или потому, что сами трусили грабителей, или потому, что бывали с ними в согласии. Не нужно после этого ничего говорить о степени безопасности дорог. Слова Олеария подтверждаются Мейербергом, Вебером, Корбом и Брюсом. Мейерберг прибавляет, что нищие очень часто крали и зверским образом уродовали детей, чтобы собирать больше милостыни, показали их увечья и язвы, — изредка подобные случаи повторялись, как всякому известно, до недавнего времени.

Часто случается слышать мнение, что пьянство распространяется в народе [с каждым годом]. Не знаем, до какой степени может распространяться порок, издавна бывший всеобщим. Олеарий находил кабаки во всех деревнях. Мы знаем, что правительство в XVI и XVII столетиях пыталось иногда воспрепятствовать продаже пенного вина, чтобы удержать губительную привычку.

Но эти запрещения оставались бессильны, говорит Олеарий, объясняющий и способы, которыми действие запрещения обессиливалось.

В чувственной любви многие предавались таким излишества и порокам, что Флетчер замечает: «Я не хочу говорить об этом, потому что это слишком гнусно, так что позорно и рассказывать. Вся страна наводнена всевозможными грехами этого рода». [Петрей говорит, что в его время часто небогатый служилый или торговый человек сам предлагал свою жену богатому человеку за несколько рублей и даже сам стоял на стороже во время любовного свидания, пока жена не отдаст ему полученную плату.] Петрей, Олеарий, Рейтенфельс и Карлейль говорят, что [противоестественные] пороки в Московии столь же часты, как и безнаказанны, что подобными привычками хвастают как делом хорошего тона, что на улицах показываются райки с марионетками, представляющими неблагопристойные сцены и что на эти представления смотрят молодые люди обоего пола, даже мальчики и девочки. Путешественники упоминают и о следствиях обычая женить малолетнего мальчика на взрослой девушке, — следствия этого обычая бывали приятны для свекра, и потому духовенство напрасно усиливало препятствовать подобным бракам. Нечего говорить о том, что все эти гнусные привычки имели чисто восточный характер.

Очень наивны кажутся после этого предположения, что сближение с Западной Европой могло иметь дурное влияние на нашу нравственность.

По крайней мере, не из Западной Европы перешло к нам очень игривое устройство, которое до недавнего времени сохраняли в столицах (а в иных провинциях, говорят, сохраняют и до сей поры) торговые бани, в которых [все — и] мужчины и женщины моются вместе, — это [прекрасное] устройство подробно описано путешественниками, прибавляющими рассказы о различных виденных ими случаях самого наглого цинизма со стороны женщин, которые вовсе не принадлежали к записным жертвам порока. Кто читал хотя что-нибудь о Востоке, тому ясна связь этих фактов с гаремною жизнью.

Не нужно ничего говорить о том, какой характер имели семейные отношения при подобной обстановке. Не будем распространяться о суровости отношений отцов к детям, хозяев к домашней челяди, мужей к женам, — тем более, что слишком ясные следы этих привычек сохранились до сих пор. Но кстати заметим, что у Герберштейна есть анекдот, подтверждающий давность знаменитого преданья, будто, по мнению русских жен, муж мало любит жену, если мало бьет ее. Герберштейн говорит, что у него был в Москве знакомый кузнец, немец Йордан, который женился на русской. Этот почтенный кузнец однажды рассказывал сам Герберштейну, что до сей поры не бил своей

жены, а теперь начал бить. «Зачем же?» — спросил Герберштейн. — «Да она все тосковала, и наконец сказала мне, отчего тоскует: думает, что я не люблю ее, потому что не бью». В простом народе до сих пор вы всегда можете услышать подобный рассказ. Несмотря на всю неправдоподобность предположения, что может человек измерять степень любви силою побоев, невозможно сомневаться в том, что это соразмерение действительно существовало: если бы Герберштейн сам выдумал приводимый им анекдот, но ведь не из Герберштейна же узнали о неразрывности любви супружеской с побоями те простолюдины, от которых вы слышите подобные рассказы. Надобно также вспомнить изречение, столь часто повторяемое нашим народом «кого люблю, наказую», и пословицу «жену люби как душу, трепи как грушу» и т. д., и т. д. Кстати, бывали иногда люди, которые считали клеветой или непониманием [русской символики] уверение иностранных писателей, что знаменитый элемент наших свадебных обрядов — плетъ, по смыслу народного обычая вручается мужу не для одной аллегории, а для серьезного употребления [кроме фактов сохранившегося до сих пор быта, подтвердим серьезное значение свадебной плети следующими строками Кошкина из описания царской свадьбы: «И протопоп, устроая во одеяние церковное, начнет их венчати по чину; а по венчании подносит им из единого сосуда пити: вина французского красного, и снимет с них церковные венцы и взложат на царя корону. И потом протопоп поучает их, как им жити: жене у мужа быти в послушестве и друг на друга не гневаться, разве некие ради вины мужу поучити ее слегка жезлом». Впрочем, мы ошиблись: здесь не плетка, а жезл, потому и свидетельство Кошкина нейдет к делу].

О церемониях свадебного пира и т. д. с их циническими подробностями относительно состояния невесты мы не говорим, — не говорим и вообще о церемониях и обрядах домашней жизни наших предков, — восточный характер всего этого так и режет глаза своею решительною несообразностью с основными качествами славянского характера. Коренной славянский смысл их совершенно закрывается чисто азиатскою формою, в какую облеклись они.

Все путешественники говорят об удивительной недоверчивости русских, не к иностранцам только, но также и друг к другу — она очень натуральна была при всеобщих беспорядках и отсутствии безопасности, — хитрить и притворяться было делом необходимости.

О торговых людях Герберштейн говорит: «Они очень строго требуют исполнения всех условий со стороны того, с кем имеют дело, но сами стараются не исполнять никаких обещаний и обманывать всячески. Раз я попросил одного боярина купить мне шубу, — как только узнали об этом торговцы, тотчас же сбежа-

лись к нему, предлагая поделиться с ним частью барыша, если он устроит дело повыгоднее для них. Вообще русские торговцы запрашивают за товар в десять и двадцать раз больше настоящей цены; но притом и сами так плохо знают цену многих вещей, что часто платят за вещь в десять раз больше, нежели она стоит». То же говорят Петрей, Мейерберг и Корб. «Русские, — рассказывает Петрей, — обыкновенно просят 10 или 12 талеров за вещь, которую потом уступят за полгульдена. Это они делают потому, что находятся незнающие покупщики, дающие 30 или 40 талеров за вещь, которая не стоит больше 10. Чтобы обмануть такого покупщика, сговариваются четверо или пятеро плутов. Только что входит покупщик, является будто посторонний человек, один из числа шайки, и дает за вещь гораздо больше цены, предложенной покупщиком, — если удастся обмануть его этою уловкою, и он дает больше, соумышленники делят барыш и смеются над глупцом. В торговле отец не верит сыну, сын отцу». «Единственное средство не быть обмануту в торговом деле с русскими, — говорит Мейерберг, — состоит в том, чтобы отдавать деньги не иначе, как взяв уже вещь в руки». Мастеровые были похожи на торговцев.

Бережливость русских путешественники хвалят; по их словам, расточительность была неизвестна нашим предкам; замечают также и их щедрые милостыни нищим, которых от того развелось бесчисленное множество.

О продажности суда и администрации, о взяточничестве воевод и подьячих и т. д., и о том, что всякие строгости к искоренению взяточничества оставались совершенно бесполезны, мы ничего не говорим — это факт известный, притом же он и не входит в план нашего извлечения, ограничивающийся одними частными отношениями частных лиц.

Какое заключение следует из всего этого обзора? По нашему мнению, то самое, какое делает Мейнерс:

«Как бы ни судили мы о настоящем нравственном состоянии русских, но должно согласиться, что в прежние времена они были гораздо в худшем состоянии; что у русских теперь, и в высших сословиях и в простом народе, исчезли многие дурные черты старого времени и приобретены многие хорошие качества, которых не доставало их предкам. В будущем нравы, конечно, еще улучшатся, при улучшении внутреннего управления и воспитания и при распространении образованности, и мало-помалу будут истребляться в народе все дурные наклонности. Но для этого необходимо им не ослеплять самих себя насчет своего состояния» (Meiners, Vergleichung etc. I, 295—296).

Этою единственною цитатою и закончим наш обзор, чтобы хотя последняя строка его удовлетворяла требованиям формы, относительно которых были так взыскательны наши предки. Прибавим только, что издание «Библиотеки иноземных писа-

телей о России до Петра Великого» было бы величайшею службою для расширения взглядов на смысл русской истории. Мы слышали, что план такого издания существует, — надобно желать, чтобы он был скорее приведен в исполнение. Мы слышали, будто этот план полагает необходимостью издавать писателей в строгом хронологическом порядке, но не хотим верить тому. Тома русских летописей издавались же не в хронологическом порядке и издание ничего не потеряло от того, — а если б Археографическая комиссия вздумала отлагать печатание готовой к изданию «Ипатьевской летописи» до той поры, пока кончатся приготовления к изданию и издание Нестора, — мы, конечно, до сих пор не имели б и половинного числа томов, изданных теперь. Без дальних промедлений за составлением полнейшего (и вечно нуждающегося в дополнениях новыми открытиями, вечно неполного) хронологического списка путешествий лучше всего прямо взять да и начать переводить важнейшие сочинения, — Герберштейна, Олеария и т. д. — в каком угодно порядке, это все равно, лишь бы только дело шло без излишних проволочек, и лишь бы только не начинать изданием перевода именно тех писателей, в переводе которых всего менее надобности, как, например, Приска, который почти столько же касается русской истории, сколько и Тит Ливий. [По общему замечанию, мы вообще отличаемся необыкновенным умением разумным образом употреблять свой труд и свои средства, — недавно один ученый предлагал затеять у нас новое издание всех византийцев, потому, видите ли, что боннское издание неудовлетворительно (какая взыскательность!), — у нас, вероятно, так много таких великих византинистов, что наше издание будет лучше, — иной ученый, имея под руками горы драгоценных материалов, занимается печатанием в разных форматах какой-нибудь статейки о Вассиане Рыне, — третий и четвертый, будто соревнуя друг другу, трудится над приготовлением двух различных изданий одной и той же рукописи, которая не наделала бы большой печали, если б и навек осталась неизданною, — и т. д., и т. д. — трудимся мы, трудимся, а главное, сколько мечтаем о своем труде, сколько толкуем о нем — и так трудимся, трудимся, — и обогащаем ученую литературу изданием, подобным тому, заглавие которого выписано в начале нашей статьи. Да и то хорошо, — потому что иногда случается видеть издания еще менее значительные по достоинству при гораздо большем объеме и при несравненно громаднейших претензиях на капитальное значение для науки.]